

АВТОГРАФ В ИСТОРИИ

«Судьба дала мне счастливого жребия», — сказал о себе Всеволод Вишневский. Но что значит «счастливый»? Мало ли найдется людей, для которых за этим стоит всего лишь безмятежность, безоблачность сытого существования. С духовной сутью Вишневского подобное несовместимо. Он был рожден для борьбы, и она до конца оставалась его стихией. Он был рожден для подвига и сумел исполнить его. Подвиг человека, подвиг воина, подвиг художника.

Первое крещение огнем в четырнадцать мальчишеских лет. Первая война из тех пяти, что судила ему судьба. От нее остались у полкового разведчика Воли Вишневского контузия и ранение да три георгиевские награды. И запоздалое — под влиянием агитации большевиков — осознание бессмысленности антинационального характера империалистической войны. Революционные события ускоряют идейно-политический рост юного солдата. Он окажется среди тех, кто пойдет на штурм Зимнего дворца, будет охранять Советское правительство при переезде его из Петрограда в Москву.

А потом вихрь гражданской войны, жаркие сражения на Волге и Черном море, в степях Украины, боевые походы на кораблях и бронепоездах, лихие рейды Первой Конной — и всюду бывалый матрос-пулеметчик Вишневский отменно делал свое дело.

В 1937 году он, уже широко известный драматург, выступит с пламенной речью перед делегатами II Международного конгресса писателей-антифашистов в полуосажденном республиканском Мадриде, а день спустя с алой гвоздикой в петлице пойдет в цепях интербригадцев в атаку на позиции фалангистов.

В блокадном Ленинграде, городе своего детства, писатель-воин, писатель-трибун будет вести неустанную организаторскую и агитаторскую работу, выступать с радиоречами, зовущими соотечественников к выдержке и мужеству, заражающими верой в неизбежность нашей победы. Ему доведется стать свидетелем агонии гитлеровского вермахта, присутствовать при подписании акта о капитуляции Берлина и оставить их скрупулезное описание. А позже из Нюрнберга будут идти в «Иравду» репортажи Вишневского о ходе международного суда над фашистскими палачами, миллионы читателей познакомятся с его яркими памфлетами, рисующими злобные портреты заправил третьего рейха.

Это лишь легкий пунктир, разрозненные штрихи полувекового пути человека, который был солдатом и коммиссаром, военным историком и журналистом, писателем и общественным деятелем. Весь распахнутый жизни, всегда находившийся на ее страже, он словно обнаженными нервами воспринимал токи истории, приближенные глобальных социально-

политических сдвигов и катаклизмов. В писательской среде он ощущал себя полномочным представителем армии и флота, вперёдсмотрящим, призванным нести неусыпную вахту на страже революционных завоеваний народа.

Жажда революционного деяния была так же неодолима в душе Вишневского, как и потребность облечь пережитое в слово, передать увиденное в живых картинах.

Однако не в прозе, влечение к которой никогда не угасало в Вишневском (незавершенная эпопея «Война» тому свидетельство), а в драматургии ждали его выдающиеся творческие свершения. Именно на этом жанровом плацдарме явит он всю самоубийственность и мощь своего да-

лу полемики. Не случайно Вс. Вишневский, вспоминая на вечере памяти Афиногенова в 1946 году о бывших столкновениях с ним, признавался: «Я читал его дневники и перечитал свои, и если поставить их рядом, видишь поразительное совпадение...» По его словам, в речи на первом съезде советских писателей Афиногенов «правильно ставил вопрос». Нелишне напомнить, что в этой речи драматург страстно выступал за воплощение неведомых прежней драматургии человеческих характеров, формируемых новым обществом, за показ того, «как старые чувства в новых обстоятельствах формируются... в новые чувства».

Некогда ярый враг «потолочной», поактной драмы с

удач в нашем сегодняшнем кинематографе было бы куда больше, если бы на съемочной площадке писатель всегда был, подобно Вишневскому, «своим человеком», знаком и прямым соучастником сотворения фильма.

Пьесы и сценарии Вишневского населены людьми армии и флота. Но как мало тут могут сказаться определения — баталист, летописец военного быта. В командирах, матросах и солдатах, вставших под знамена Октября, писателя интересовало не профессиональное, а социальное, не внешнее, а духовное, то, что должно было, по его убеждению, войти в плоть и кровь творцов социалистической нови — сознательная дисциплина, чувство воинского и гражданского долга,

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА ВИШНЕВСКОГО

рования, которому оказались по плечу «глыбы эпического».

Боец Первой Конной, бывший пулеметчик, Вишневский и в жизнь театра ворвался словно бы на полном скаку, с воинственным кличем на устах: «прочь психологично героев!», «не нужны первоплановые, многоиграющие фигуры!». Задача нового искусства — показать действия «массы», «героинку коллектива».

В бурной дискуссии начала 30-х годов по проблемам драматургии и театра, разгоревшейся между «новаторами» (Вишневский, Погодин) и «архаистами» (Афиногенов, Киршон), автор «Первой Конной» не раз высказывал суждения, далекие от бесспорности, а порой и просто ошибочные. Высказывал с присущей ему запальчивостью и категоричностью. За короткий срок он сумел переболеть — и мимо этого не прошли его исследователи — многими болезнями времени. Тут и упрощенный взгляд на «социальный заказ», на проблему «герой и масса», и недооценка на первых порах классического театрального наследия, и не лишнее наивности представление о новаторстве. Этим он невольно вызывал на себя огонь со стороны тех людей, чей авторитет был для него непререкаем. Была ведь — из песни слова не выкинешь — и горьковская статья «О бойкости», заставившая начинающего драматурга о многом серьезно призадуматься, более трезво взглянуть на свою позицию в споре о путях развития советского театра. Кстати, теоретические декларации раннего Вишневского далеко не во всем совпадали с его же творческой практикой.

По прошествии времени стало очевидно, что в позициях «архаистов» и «новаторов», за которыми стояли два разных направления, два течения в нашем сценическом искусстве тридцатых годов, было в ряде случаев больше точек соприкосновения, чем это казалось им самим и их адептам в пы-

ее «первопланном» героем, Вишневский дал в глубоко новаторской «Оптимистической трагедии» образ громадного внутреннего наполнения, большой обобщающей силы и психологической глубины. Воля партии и ее идеология, дело революции и ее разум — все это накрепко сплавлено в характере Комиссара, этой «немислимой женщины», ставшей воплощением направляющей, ведущей роли партии в революции.

Смерть героя и здесь остается трагедией, но она, эта смерть, не несет с собой безысходности, ею не исчерпывается и не замыкается круг изображенных событий и явлений, она исток нового поступательного движения жизни, усиления ее организующего, созидющего начала. Гибнет герой, свободный в своих духовных устремлениях, в своем нравственном выборе, отбрасывающий страх смерти во имя торжества великой идеи. И в этом оптимизм трагедийной ситуации, оптимизм, рожденный борьбой народных масс за свое социальное освобождение.

Особая страница творческой биографии Вишневского — встреча с кинематографом. Молодое искусство экрана, для которого, по словам писателя, «в художественном смысле нет ничего невозможного», давало простор проявлению эпических свойств его таланта. И тут выказала себя чуждая половичность, «приблизительного знания о предмете натура писателя. Пока рождался фильм «Мы из Кронштадта» — а на это ушло полтора года — он был неразлучен с постановочным коллективом, вникал во все тонкости технологии и организации кинопроизводства, внося необходимые поправки в сценарий, не чураясь по ходу съемок самой черной работы. («Надо было испробовать все»). Триумфальный успех кинопоэмы о бесстрашных защитниках революционного Петрограда, обошедшей экраны мира, был достойной наградой за это писательское самоотвержение. Наверное, подлинных

идейная убежденность, готовность принять муки и смерть ради великого дела ленинской партии. Ему важна была преемственность свойств личности, формируемой социалистической действительностью, с тем лучшим, что отложилось за века в национальном русском характере.

В стилиевой палитре советского искусства отчетливо различимы краски, привнесенные громозвучной музой Вишневского. Не сегодня замечено, что природа весьма скупо одаривает смертных даром истинно драматического писателя. И уж совсем редко случается, чтобы драматург был органичен в стихии речевой патетики, необыденной укрупненности чувств, обладал способностью настраивать зрителя на волну публицистически обнаженного разговора о высоком в человеческой жизни и истории. Это дано было Вишневскому, своим явлением слово бы предназначеному подтвердить давнюю истину: стиль — это человек. Тут все счастливо соединилось: вулканический темперамент, напряженность душевной жизни, особенности биографии писателя. Творчество Вишневского, тяготеющее к эпичности, монументальности форм («он не писал кистью, а высекал резцом»), в первоисточке своем исповедальное. «Россия, любимая — все к ногам твоим» — как характерны эти строки из военного дневника писателя, сказавшего: «Мой стиль — моя жизнь».

Не заносящая фанатерия, а извечная правда создающего «свою силу таланта» заставляла Вишневского быть каменным неуступчивым там, где речь шла о сути, о сердцевине его творческого замысла, о важных реалиях времени, об исторической достоверности изображения. Из только что вышедшей в серии ЖЗЛ содержательной книги Виктора Хелемендика «Всеволод Вишневский» можно почерпнуть немало сведений о том, как не просто складывались подчас отношения драматурга с постановщиками его пьес, с какой предвзятостью судили о

его творчестве иные критики. Благонамеренные блюстители литературных приличий, эрудиты по части сценических «рецептов» наткнулись на его непреклонное: «Я знаю, как было в жизни». В его текст могли вкрасть отдельные натуралистические детали, но в целом поэтика его творений глубоко чужда натурализму. Он мыслит большими категориями, стремился к широким обобщениям.

Быть самим собой — самое необходимое и самое трудное в искусстве. Тридцатилетний автор, ощущающий в себе напор «нового, зычного, сильного», познавший уже и почем фунт литературного лиха, и липкую власть театральной рутины, записывает в дневнике: «...Я хочу быть Вишневским». Талант и творческая воля, бойцовский характер позволили ему ярко и полнокровно выразить себя в искусстве, оставить в нем неповторимый след.

Перед явлением Вишневского-драматурга даже вездесущим эпигонам непросто. Попробуй-ка кто примерь на себя его богатырские доспехи! А между тем как важно для нашей сцены и экрана дать простор образам современников, которые бы наследовали духовный заряд, высоту помыслов героев Вишневского. Героев, которые и сегодня говорят нам: «Будьте бодрей! Гляди веселей, революция!»

Художественный мир автора «Оптимистической трагедии» — один из живых истоков нашей драматургической и театральной традиции. Нелишне, однако, подчеркнуть и другое: значение для творческой среды нравственного примера самой его жизни, законом которой было единство слова и дела, жизни, озаренной Идеей. Человек твердых и ясных принципов, он глубоко презирал кулуарно возно, лицемерие и фальшь как в творчестве, так и в личных отношениях. Рядом с Вишневским куда как неуютно было литературным пролазам и приживалам, эстетствующим снобам и бесхребетным «мэтрам» от критики.

Звучные, огрубевшие в боях голоса его героев, которым он доверил свое сокровенное, пробивая толщу лет, напоминают нам о нашем социалистическом первородстве, о трагически высокой цене, которой по воле истории оплачен мирный день Советской страны, наше право жить и творить по законам красоты и правды, по закону справедливости и человечности. «Настоящая литература, — говорил писатель, — это всегда душа, сердце одного, вместилище мир». Образцы такой литературы он и оставил нам в наследство. В каждой строке, вышедшей из-под его пера, слышится биение большого сердца художника-коммуниста, бесстрашного рыцаря революции, пламенного патриота социалистического Отечества.

Н. ПОТАПОВ.